

«Извините, это действительно Иркутск?»

Бывшие иркутяне полагают, что покинуть Иркутск – это вполне хороший тон. Переезд для многих превращается в цель, а не средство. Кажется, что, если уехать отсюда, позади останутся не только грязные улицы и дряхлые «деревяшки», но и, например, невозможность карьерного роста.

Однако находятся те, кто готов разрушить образ Иркутска транзитного, кто видит причины здесь остаться: близкие люди, Байкал и желание сделать город лучше.

Возвращаться – плохая примета

Иркутянка Марина с мужем Максимом готовятся к переезду. Меньше чем через месяц они покинут Иркутск: Максима переводят на новую должность в Москве. Однако шаг вверх по карьерной лестнице обоими супругами пока воспринимается не особо радостно. «Мы любим Иркутск, у него есть позитивная аура, – говорит Марина. – Сколько бы мы ни видели разрушенных домов и грязных улиц, Иркутск культурный и доброжелательный. 10 лет назад он хорошо меня принял, и я подумала, что это мой город, здесь я буду жить».

Марина приехала в Иркутск из Тулуна в 17 лет, поступать в вуз. «Тогда я понимала, что пути назад нет, нужно устраивать жизнь здесь. Чего-то добиваться, чтобы родители и учителя мною гордились», – вспоминает она. «Мы с мужем довольно быстро продвигались по карьерной лестнице и сейчас достигли определённого уровня комфорта: квартира в центре Иркутска, машина, возможность ездить за границу, которой, правда, мы не пользуемся, потому что заняты на работе», – рассуждает Марина. В Иркутске воспользоваться этой возможностью уже и не придётся. «Муж сказал, что надо выводить себя из зоны комфорта. Когда в ней задерживаешься, рискуешь потерять стремление добиваться чего-то, преодолевая трудности, а без этого невозможен рост», – объясняет она.

– Выходит, переезд из Иркутска становится необходимой ступенью развития, потому что здесь есть потолок, достигнув которого люди останавливаются?

– Для большинства так и есть. Но это проблемы не Иркутска, а людей: они изначально понимают, что на каком-то уровне не смогут найти тут работу. А город даёт возможность развиваться, ведь много уехавших отсюда находят хорошую работу в других городах, и мы продолжаем о них слышать: этот иркутский заряд, культурная напитанность помогают двигаться дальше.

Тем не менее, как ни крути, в Иркутске не достигнешь высот, доступных в столице. Москва – шанс, который нельзя упускать, говорят друзья и знакомые Марины с Максимом. Иркутск заработал себе репутацию города, покинуть который считается хорошим тоном. Добившиеся каких-то высот иркутяне стремятся перебраться в Москву, Питер или «хотя бы Новосибирск». Зачастую людей от окончательного переезда удерживает только финансовая составляющая. «Здесь я на «Гелендвагене» езжу, а в Москве – на метро. Есть разница?» – объяснил свою патристичность корреспонденту «Конкурента» один из иркутских бизнесменов. Марина с Максимом, однако, уверены, что «обязаны региону и Иркутску». Вернуться обратно семья не обещает. «Я бы хотела воспринять наш отъезд как проект, но люди, уже уехавшие, говорят, что с таким настроением уезжать нельзя, потому что всё будет казаться временным, – объясняет она. – Мы решили: будет так, как Бог распорядится. Мы всегда готовы вернуться в наш Иркутск, но если этого не получится, будем стараться сделать для него что-то хорошее из Москвы».

Буддизм панковского пути

Легенда иркутского панка, вокалист локальных шум-гам-панк-коллективов «Caterpillar и Зингая!», создатель крохотной «музыкаиздающей компании» «ЗИНГАЯ records» и организатор множества концертов и фестивалей Александр Горский, известный в местной тусовке как Горын, недавно приехавший в Иркутск, вернуться сюда навсегда не готов. Уже несколько лет он живёт в Латвии, куда перебрался после женитьбы.

– Моя жена – замечательная женщина из Риги. Мы познакомились в Москве в 2006-м во время зимней поездки Ламы Оле Нидала по России. Почуввав интерес друг к другу, мы отправились в Сибирь, вместе работали волонтерами в буддийских центрах Германии и Швейцарии. И поскольку мотаться через границу по визам было достаточно запарно, мы пришли к выводу, что самое лучшее для нас – заключить брачный союз.

Жить решили в Риге, потому что в Москве я проживал в кочевом режиме: была база, где хранились мои вещи, и ряд адресов у друзей, где мне были предоставлены места для ночлега, а у супруги было жильё в столице Латвии.

– Как живётся на новом месте?

– Интересно. А вообще мы с женой поняли: когда приезжаешь в Ригу из Иркутска, оказываешься в Европе. Видно невооружённым глазом: люди более ярко и непринуждённо одеты, расслабленнее себя ведут в городской суете. А приезжаешь в ту же Ригу из Берлина или Цюриха – попадаешь в восточно-европейскую страну из постсоветского пространства: мусор на улицах, более резкие манеры общения, бичи какие-то... Всё зависит от взгляда. По сравнению с Иркутском Рига более динамичный, чистый и красивый город. Это факт. Ему уже более 800 лет.

– Не жалеешь, что уехал?

– Жалеть вообще не в моём характере. Счастье ведь не в том, где жить, а в том, что у тебя в уме. Вот походил по Иркутску – за три года отсутствия тут такого наворотили... Видно, что рубль нынче в городской архитектуре правит бал. Дома становятся какими-то однообразными. Вот плитка фасадная: что на новостройке, что на «хрущёвке», что вообще на деревянном доме каком-то, и подчас одинакового цвета. Офисный стиль пророс сквозь стены и вышел на улицы. Предполагаю, это было бы и хорошо где-то на окраинах, в микрорайонах, но в историческом центре просто смотришь и диву даёшься: где же ты, исторический лик города, воспетый путешественниками в былые века?

Конечно, встречался с друзьями. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Бывшие панки – металлисты 90-х имеют свой бизнес, зарабатывают деньги на производстве, кто-то ещё посиживает на полубившихся лавках в центре города, потягивая пивас, а кто-то воспитывает детей; есть и те, кто, попав в переплёты бытия, не смогли выбраться и либо сгинули, либо бомжуют на всю катушку. Жизнь продолжается, успевайте жить.

Гуляя по современному Иркутску, чувствую себя немного туристом. Меняется архитектура города, деревянные дома уходят, уступая место современным громадам; всё больше появляется мест общепита, радующих относительной доступностью цен, однако не всегда доставляющих удовольствие своей кухней и интерьером; горожане стали более модно выглядеть, ну и вроде поменьше стало гопоты – малообразованной уличной публики с городских окраин и регионов.

Когда я перебрался в Ригу, были идеи, что будем ездить по Европе, зарабатывать по пути «бабосы», на эти деньги путешествовать по Евразии. Пожелания, уважаемый читатель, сбываются частично. Но, бывает, и не так, как хотелось бы. Так что стоит быть с ними внимательным. И, наверное, больше желать чего-то для блага всех существ, нежели для себя, тогда и результаты будут более вдохновенными и менее конкретными и подчас разочаровывающими. А сейчас выбор сделан, пока живём в Латвии, работаем с ситуацией. Ну, а если совсем «кирдык»... то всегда можно вернуться домой.

– А как же панк-рок?

– Как музыка – всегда в сердце, как образ жизни – уже нет. Поддерживаю контакты на европейской и российской панк-сцене, хожу на панк-шоу, сам же за рубежом пока ничего не устраиваю. Больше занимаюсь «энгельсовщиной», как говорил Угол о физическом труде (Угол – ныне почивший вокалист улан-удэнской панк-рок-группы «Оргазм Нострадамуса» – «Конкурент»). А когда ты работаешь руками, на высокие идеи ни сил, ни желаний (в моём случае) не остаётся. К примеру, лидер группы «Доктор Макс и Грибы» из Ангарска Максим Левашов сейчас живёт в Стокгольме, ранее он работал мойщиком паромов, сейчас учится на верстальщика. Тоже не до музыки, хотя, как рассказывал сам во время визита в Ригу, идеи есть, вот только времени для осуществления не хватает.

Иркутск, как и Сибирь, я всегда помню и люблю! Однако пока «скафандр» крепкий, хочется ещё побродить по миру. И всё же совсем недавно я понял: жить в Берлине (Лондоне, Нью-Йорке) и в течение долгого времени заниматься чем-то, что тебе абсолютно не нравится, лишь бы заработать на жизнь, – дело более тяжкое и бесперспективное, чем жить в Иркутске и заниматься любимым делом. Так что цените свой город, занятие и

то, что делает вас счастливыми в этой жизни. Наверное, так.

Москва – Сочи – Иркутск

Историй о людях из региона, с разной степенью удачи осевших в других городах или странах, предостаточно. Всё-таки Иркутская область является родиной не только таких неформальных персонажей, как Горский. Например, в Слюдянке родилась известная когда-то певица Алиса Мон, а посёлок Култук подарил стране попсового парикмахера-стилиста Сергея Зверева. Люди, покидающие область, чтобы попытать счастья, не вызывают удивления, зато живым интересом у иркутян пользуются те, кто приехал в их родной город и остался здесь.

23-летний Дмитрий (dj Matt) перебрался в столицу Восточной Сибири из Сочи два года назад – сразу после окончания вуза. Заставить променять Чёрное море на Байкал может любовь. «Стал общаться с девушкой на сайте знакомств. Летом она приехала в Сочи на две недели, потом прилетела зимой на новогодние каникулы. А затем мы увиделись только на следующее лето. К тому времени я окончил университет и уехал с ней в Иркутск», – рассказывает Дмитрий историю с переездом.

Дмитрий – космополит: совершенно не привязан к какой-либо местности. «Я много куда переезжал. Родился в Москве, с пяти лет рос в Сочи, с 18 некоторое время – в Краснодаре, – перечисляет он. – Краснодар, кстати, похож на Иркутск, там потеплее только, а постройки тоже старые, но ещё не такие развалившиеся. Появились друзья. Так я переехал в Краснодар. Учился, работал, жильё снимал – это несложно. Потом думал в Москву поехать, но как-то мимо получилось: перебрался сюда. На самом деле сначала переехал, а потом подумал, что я, собственно, сделал».

Первое впечатление о городе Дмитрий описывает ёмко, но нецензурно. Потом поясняет более развёрнуто:

– Город тяжёлый. Люди серые, всё серое. Я общаюсь с интересными людьми. Но большинство тут аморфное: людям ничего не надо.

– А что здесь может держать человека?

– Лень. Привыкаешь ко всему.

– А как же Байкал?

– Я там два раза был. В Листвянке. Если бы я природу любил, может быть, а я к ней пассивен. Я уверен, что уеду. Не хочу здесь жизнь проводить. Я мегаполисы люблю, мне не очень маленькие города нравятся.

– А твой родной город – это где?

– Да нигде. Я разве что по Москве скучаю. Это классный город. Ты никому не нужен, никто тебе не нужен, никто тебя не знает, тысячи людей.

– Много ли твоих друзей собирается уехать отсюда?

– Друзья уже точно никуда не уедут. Я вижу по ним, их всё устраивает. Я людей, способных на подвиги, за версту чувствую. А меня нигде ничего не держит. Невесту мою, надеюсь, тоже.

– Когда ты уедешь, по чему в Иркутске будешь скучать?

– Только по людям.

Интернациональное озеро

Байкал всё-таки является одним из основных факторов, которые держат людей в области. «Я часто слышала, что Байкал для многих как часть сердца и они не могут уехать, потому что лишатся возможности бывать на нём», – признаётся Ирина. «Байкал – это то, что объединяет жителей региона, – уверена старший научный сотрудник Центра независимых социальных исследований и образования Татьяна Гребенщикова. – Очень показательна история с ВСТО, когда объединились не просто автономные люди, но и целые организации: энбэпэшники, экологи – все могли действовать заодно, и в итоге это привело к переносу нефтяной трубы от озера». И, конечно, Байкал – это та ценность, которую готовы признать тысячи людей со всего мира.

«Мне лучше нравится в природе», – смущаясь, говорит немец Стефан Буссе, когда разговор на смеси русского

и английского заходит про Иркутск. Здесь он находится уже несколько месяцев, но для него, как для многих приезжих, этот город «просто близко к Байкалу». Он как волонтер участвует в проекте строительства Большой Байкальской тропы (ББТ). «В Германии я занимаюсь географией, картографией. Здесь собирал информацию, чтобы попробовать сделать карты маршрутов, отдельных троп. Каждая тропа – одна карта. Например, от Листвянки до Больших Котов», – рассказывает он. На вопрос о впечатлениях от города предупреждает, что скажет по-английски: на русском, хотя и учил его пять лет в школе, всё равно сложно. «Я вообще не очень люблю городскую среду. Поэтому каждый город для меня, в принципе, просто «о`к». Так же Иркутск. Не могу сказать, что он мне не нравится, но я и не в большом восторге, – сообщает Стефан и добавляет по-русски: – Иркутск – нормально». Говорит, ему нравится центральная площадь рынка и набережная, которая «вэри найс». Впечатлили и деревянные дома повсюду, они тоже «вэри найс», но «сэд», что разрушаются. Любимые места для прогулок у Стефана, как и у местных жителей, – центр и набережная Ангары. Однако оставаться надолго в Иркутске географ не собирается. В планах ещё Монголия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Азербайджан, где у Стефана работает биологом отец. «Извините за мой русский, что он оказался не так хорош, – говорит он на прощание. – У нас, думаю, в школах до сих пор преподают русский, но люди не хотят его учить. Это нужно, что работать в России или Восточной Европе. Немцы, скорее, предпочтут работу в Испании или Франции».

Люди везде одинаковые

Некоторые иркутяне тоже стали предпочитать России другие страны. Преподаватель Иркутского государственного лингвистического университета Галина Тростянская, поехав в 2006 году в Японию учиться, осталась навсегда: там она нашла мужа, работу, а два года назад родила ребёнка. Сейчас пишет магистерскую работу, сдаёт экзамены, а параллельно подрабатывает ассистентом на занятиях русского языка для студентов и преподаёт русский в частной школе иностранных языков. Всё оставшееся время воспитывает дочку.

– Легко ли иностранцу устроить свою жизнь в стране, если учитывать, что она очень долго была изолирована, затем сознательно избегала контактов, а потом имела все основания не любить Россию?

– Мне кажется, тут вообще трудно устроить жизнь русским. Совсем другие порядки. Дело не в том, что Япония – изолированная страна по менталитету, а в том, что на ограниченном пространстве очень высокая плотность населения. Отсюда жесткая конкуренция за рабочее место. А русские в принципе не знают, что такое конкуренция. В общем, надо очень стараться. Но раз многие устраиваются, значит, получается.

Кстати, Россию они, может, и не любят, но машины продавать очень хотят, поэтому здесь в автомобильном бизнесе много наших. Ещё женщины. Красивые женщины из Восточной Европы. Их здесь любят. Клубы с русскими девушками считаются более дорогими, чем филиппинские и китайские.

– Чувствуешь ли ты, что живёшь в чужой стране, или уже привыкла?

– Да люди везде одинаковые. Но уставу в монастыре надо следовать. Если в душе не принимается этот самый устав, всё может закончиться депрессией. Японцы к иностранцам приглядываются, наблюдают и учат жить по правилам. Например, сортировка мусора – очень кропотливое занятие. Когда я выносила свой пакет с определённым видом мусора, соседская бабушка залезала в него, изучала и советовала что-нибудь. Или «ты сегодня опоздала, забирай свой пакет и вынеси через неделю, только к 7 часам утра постарайся принести». Раздражала. Сменила мусорку. А в остальном я очень люблю Японию. Все их многочисленные правила мне кажутся рациональными.

– Как твои родители и знакомые относятся к твоему выбору?

– Родители скучают. Но они сами в молодости уехали с Поволжья в Сибирь. Если я здорова и счастлива, то они за меня рады, наверное. Соседи считают, что мне несказанно повезло. А коллеги из института иностранных языков говорят, мол, если что, приезжай, работа есть, но ищи возможности остаться в Японии, а в Турцию ни ногой!

«Русский медведь»

Умберто Фелипе Сильва Беойя – один из самых убеждённых патриотов России и Иркутска в частности. Сомнений о том, стоит ли уезжать отсюда, у него не возникает. Договариваясь с Умберто об интервью, объясняю ему, как найти редакцию: «Она находится на Фурье, рядом с «1000 мелочей». «Рядом с Кировским РОВД?» – предлагает Умберто свой ориентир. Уроженец Перу, 20 лет живущий в Иркутске, он активно борется за то, чтобы жизнь в городе стала лучше – по крайней мере, в его понимании, – и, случается, объясняет свои

принципы местным милиционерам.

Умберто приехал в Иркутск в 1989 году из Баку, где успел проучиться в мединституте два года. Когда Советский Союз начал разваливаться, студентов-христиан из Азербайджана отправили в Россию. Точную дату своего приезда Умберто помнит до сих пор – 24 сентября 1989 года.

– Это ключевой момент в моей жизни. Я про Иркутск знал только, что здесь есть озеро Байкал. И в детстве читал Жюль Верна «Жизнь и приключения Михаэля Строгова», там он говорит об Иркутске. Но, конечно, я даже не думал, что могу попасть сюда и тем более остаться жить. Когда я приехал, было бабье лето: тепло, солнечно. Мы в Латинской Америке не думаем, что здесь гуляют медведи, но что вечные холода и люди ходят в шубах – да. И я спрашивал у людей: «Извините, это действительно Иркутск?». Так началась моя жизнь здесь.

Тут я закончил мединститут, немножко работал врачом, но потом разочаровался в отношении к профессии. Нет достаточной поддержки врачам. Не только врачам, естественно, – у учителей тоже такая проблема. Эти необходимые профессии не получают достаточного внимания со стороны государства.

И поэтому начал работать в разных местах, даже был кондуктором в троллейбусах. А с 2004 года работаю преподавателем испанского языка.

На своей родине Умберто в последний раз был в 1991 году – на каникулах. «Помню, мы пошли в кафе, и меня спрашивают, что буду пить. Я говорю: «Водку». «Коктейль?» – интересуются. А я отвечаю: «Какой коктейль, давай чистую!». И все друзья мне: «О, ты вообще русский!». «Русский медведь» меня называли». Умберто собирался в Перу и на следующий год, но случился дефолт и стоимость билета с 7 тысяч рублей увеличилась до 40–50. Сейчас билеты стоят около 60 тысяч рублей.

– Конечно, я хочу ехать туда, но попозже. И я вернусь. Потому что Байкал притягивает. В первую очередь именно Байкал. Во вторую – красивые сибирские девушки. Дружба с сибирской девушкой – это очень сильная штука. Слава богу, что вы ещё не успели заразиться материализмом западных женщин. Мне кажется, характер иркутянина складывается под влиянием энергетики Байкала. Байкал такой большой, добрый и чистый.

Несмотря на то, что я не русский, даже не европеец, а абсолютный антипод – у нас другой менталитет, другие культурные ценности, другое вероисповедание, – я чувствую, что Байкал меня схватил и не хочет пускать. Он меня чему-то хочет научить, и если я смогу воспринять это, может, с этим багажом уеду в Перу и объясню, кто такие сибиряки.

– Удивительно, я разговаривала с несколькими иркутянами для этой статьи, но самые восторженные отзывы об Иркутске слышу от вас.

– Потому что, несмотря на то, что я живу тут почти 20 лет, я каждый день удивляюсь тому, что здесь есть. Я выхожу на улицу, смотрю на людей и нахожу что-то новое. И люблю этот город за то, что он дарит мне возможность удивляться.

Самовывоз

– Мотивы выбора места жительства россиян отличаются от мотивов людей во всём мире, – говорит Татьяна Гребенщикова. – Например, вся Америка переезжает за работой и лучшим уровнем жизни. Поменять несколько штатов за жизнь – нормально. В России не так. Трудовая миграция обычно увязана с жилищными вопросами и поэтому чаще всего бывает маятниковой: люди приезжают на заработки и уезжают обратно. Кто-то может ездить из посёлка в Усольском районе пять раз в неделю – в Усолье, в Ангарск, даже в Иркутск. Кто-то будет уезжать в Москву на несколько месяцев. Но если работа не позволяет устроиться с жильём, куда бы люди ни ездили, они возвращаются. В стране квартирный вопрос один из главных, и он всем мешает. Всё строится по принципу пирамиды, на вершине которой Москва – большая и жирная, а внизу – домик в деревне, продав который не купишь квартиру в посёлочке. Квартира в посёлочке, соответственно, дешевле жилья в районном центре и так далее.

Существует, конечно, образовательная миграция. Молодёжь, которая окончила вузы, делится на две неравные части: те, кто имеет работу, или родителей, или какой-то другой источник дохода, и те, кто не имеет. У вторых, естественно, гораздо меньше возможностей куда-то сорваться.

«Возможность сорваться» появилась у самой Татьяны три года назад: она получила стипендию Форда и отправилась учиться в Санкт-Петербург. Однако задерживаться в Северной столице не намерена. «Я

доучиваюсь и возвращаюсь. Буду работать так же, в центре исследований. Ещё поищу занятие в области образования: в университете, техникуме, школе. Кем-нибудь буду, главное – в Иркутске», – говорит она.

В Иркутск Татьяна приезжает каждое лето, испытывая много противоречивых эмоций по этому поводу. «Мне ужасно здесь нравится, ведь это старый город, у меня здесь много любимых мест. Но внутреннюю истерику подогревает то, что от них ничего не останется. Через 50 лет видящие на фотографиях нынешний Иркутск будут в шоке от того, чем думали люди, которые жгут то, что является и лицом города, и тем, на чём можно деньги зарабатывать. Конечно, это мой город. Я вижу его во сне, когда уезжаю. Улица Каландаришвили мне снилась в отъезде, улица Володарского. Я здесь не много зарабатываю, я тут за идею больше. Я хочу жить там, где живут близкие мне люди».

– Люди – это один из наиболее часто называемых мотивов любви к городу. Но ежегодно множество талантливых людей покидает Иркутск. Получается, те, кто является одной из причин привязанности к Иркутску, уезжают отсюда.

– Действительно, многие близкие мне люди уехали. Для них Иркутск как перевалочный пункт или взлётная полоса: районный центр – областной – столица. Но я не поеду за кем-то из них. Всё равно остаются те, кто делает лицо города – не архитектурное, не визуальное, а человеческое. Люди, которые что-то хотят создавать – именно здесь. Я тоже хочу жить здесь и что-то делать для города. Не буду самонадеянно говорить: «чтобы он лучше стал», но хотя бы чтобы город стал комфортнее для меня и моих близких.

Ксения Докукина, Владимир Дёмин, Екатерина Арбузова

Автор: Артур Скальский © "Конкурент" приложение к ВСП ОБЩЕСТВО, БАЙКАЛ 👁 6341 10.08.2009, 15:34

URL: <https://babr24.com/?ADE=80119> Bytes: 22313 / 22137 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читай те эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)